

тино и Роберта Родригеса «От заката до рассвета». В нем вампиры оказываются не просто Другими, но и Чужими, так как являются демонами в ацтекском храме в Мексике.

Конечно, фильмы Тарантино, да и Родригеса традиционно замешаны на гротеске, но именно этот гротеск и помогает выявить основные мотивы этих образов. Все вампиры в своем Чужом облики (ацтекском) оказываются омерзительны, а в человеческом облики – колоритны и даже сексуальны. Их гротескность – также результат этого культурного контакта, но только переведенного из разряда осторожного любопытства (как в «Путешествии трех английских джентльменов») в разряд голливудского гротеска, рассчитанного не только на развлечение, но и на культурный шок. Недаром фильм заканчивается обрушением ацтекского храма, который и был замаскирован под бар дальнобойщиков.

В некотором виде, фильмы Родригеса – своеобразный вызов скуке политкорректности американских фильмов. Будучи Другим (он наполовину мексиканец, наполовину американец), он сам маргинал. Но возможно именно поэтому, Другой-вампир в его фильмах и лишен всей маскировки и притягательности, а предстает перед нами монстром, так поражающим воображение европейского читателя XVIII–XIX вв.

Список литературы

1. Байрон Дж. Г. Гяур. Фрагмент турецкой повести // Дж. Г. Байрон. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1904. – Т. 1.
2. Байрон Дж. Г. Дневники. Письма / Дж. Г. Байрон. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
3. Романова А. П. Гляжусь в тебя как в зеркало до головокружения или протообразы тела Чужого в российском дискурсе / А. П. Романова, С. Н. Якушенко, О. Я. Якушenkova // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1 (26).
4. Шелли М. Франкенштейн или Современный Прометей / М. Шелли. – М. : Наука, 2010.
5. Coleridge S. T. Christabel / S. T. Coleridge. – London : Henry Frowde, 1907.
6. Dundes A. The vampire: a casebook / A. Dundes. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1998.
7. Frayling Ch. Vampires: Lord Byron to Count Dracula / Ch. Frayling. – London : Faber & Faber, 1992.
8. Le Fanu Sh. J. Carmilla / Le Fanu Sh. J. // In a Glass Darkly. – London : R. Bentley and Son, 1872. – Vol. III.
9. Staden H. Hans Staden's true history: an account of cannibal captivity in Brazil / H. Staden. – Duke : University Press, 2008.
10. Summers M. Vampire in Europe / M. Summers. – Whitefish : Kessinger Publishing LLC, 2003 (1929).
11. The Travels of Three English Gentlemen, From Venice to Hamburgh, being the grand Tour of Germany in the year 1734 // Harleian Miscellany. – Oxford, 1740. – Vol. XI.
12. The Vampire. – London : Paternoster-Row, 1819.
13. Петровић С. Српска Митологија / С. Петровић. – Режим доступа: http://svevlad.org.rs/knjige_files/petrovic_mitologija.html#vampir, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. серб.

КУЛЬТУРА ИСЛАМСКОГО ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ А. КУСИКОВА

Г.Г. Исаев
(Россия, Астрахань)

В статье анализируется художественная картина культуры исламского Востока в творчестве А. Кусикова. Подчеркивается, что на первом этапе эволюции поэт создавал образ гармоничной жизни горцев Северного Кавказа. Он широко обращался к поэтике Корана, воссоздавал некоторые элементы культуры черкесов конца XIX – начала XX в., развивал традиции классической персидской поэзии.

The article analyzes the artistic picture of the Islamic East culture in the works of A. Kusikov. It is emphasized that on the first stage of the poet's evolution the image of a harmonious life of the mountaineers of the Northern Caucasus were created. The poet widely appealed to the poetics of the Koran, re-created some of the elements of the Circassians culture in XIX – the beginning of XX centuries, developed the tradition of classical Persian poetry.

Ключевые слова: Коран, Аллах, культура, ислам, лирический герой, поэзия, орнаментализм.
Key words: Koran, Allah, culture, Islam, lyrical hero, poetry, ornamentализm.

Модус поведения повествователя в первой книге А. Кусикова «Зеркало Аллаха» – жизнь по заветам Аллаха, восхищение красотой и совершенством созданного им мира. Он – правоверный мусульманин, смотрящий на мир сквозь призму священного Корана. Это подчеркивалось красочным и условно восточным оформлением книги: на обложке голубого цвета был изображен на молитвенном коврике человек в тюрбане, воздевающий руки к небу.

В первой части были помещены стихи 1914–1916 гг., насыщенные образностью, идущей от традиций восточной поэзии: арабские и персидские лексемы, среди персонажей муэдзин, зовущий черкесов на молитву в мечеть, пейзажи по преимуществу кавказские. Лирический герой стремится передать красоту и органичность мира простых мусульман:

Мулла молился спокойно, мудро,
Над ним Единый Аллах Великий.
Расплылось солнце, в ауле утро,
Салам Аликюм! Салам Аликюм!

(«Салам Аликюм», 1917)

А Кусиков развивает традиции классической литературы на фарси, для стиля которой характерной чертой является орнаментализм, то есть чрезмерная стилистическая украшенность, использование усложненных тропов (нагнетание параллелизмов и гипербол, антитез и развернутых сравнений, постоянных, традиционных метафорических образов-символов и сложных эпитетов).

В поэзии на фарси каждое стихотворение должно было иметь свою смысловую и художественную доминанту, называемую пункта, причем очень выразительную. Несущая глубокий смысл пункта обязательно требовала применения какой-либо из многочисленных поэтических фигур-тропов, созданных восточной теорией в качестве обязательной принадлежности поэзии. При этом все тропы подчинены идее, мысли. Чувство здесь всегда под контролем разума. Произведение надо было обычно «расшифровать», объяснить, разгадать, чтобы понять его глубинный, внутренний смысл.

А. Кусиков следует восточному канону не очень строго. В детстве и юности он формировался как поэт под сильнейшим влиянием русской поэзии. Вследствие этого у него появляется отношение к восточной поэзии как к искусству сугубо условному, весьма далекому от реалий жизни. В его стихах намечается сугубо игровое использование канонов персидской и арабской классики. Наиболее привлекательным для него оказался жанр китаба – отрывка, фрагмента, употреблявшегося в основном для выражения философской мысли или морального назидания и наименее регламентированного по содержанию. Обязательные в жанрах персидской лирики схемы рифмовки, размеры и ритм были для него факультативными.

Программным для книги является эпиграф, из которого читатель узнает, что речь идет о голубом озере на Клухорском перевале. В этом зеркальном озере лирический герой книги уловил «отражение кроткого Аллаха». Эпиграф станет более понятным, если мы обратимся к мифопоэтике: водная поверхность имеет значение созерцания, сознания и откровения, зеркало принимает изображение Аллаха и передает ему образ человека. Озеро – выход в подсознание, желание любви. В легендах и фольклоре озеро – двустороннее зеркало, разделяющее естественный и сверхъестественный миры. Так уже в первой книге проявился интерес к сакральному, обозначилась художественная модель двоимирия, сориентированная на модель мира ислама и символизма. В стихотворении иной мир – это потусторонность, невидимый мир идеального существования. В стихах более позднего периода «зеркало» будет играть весьма существенную роль в онтологии А. Кусикова, организуя взаимодействие миров.

Для книги в целом был характерен религиозно-мистический взгляд на Россию и на человека. Мистические мотивы проявляют себя через лексику ислама, через устойчивые общекультурные метафоры и сравнения, более или менее явно употребленные для обозначения теофании, через «апофатическую поэтику», т.е. разного рода упоминания о невыразимом, непознаваемом, через характерные романтические черты (экзотические локусы, национальный колорит, исключительность лирического

героя, стремление к выходу за пределы обычного пространства и времени, к мистическому переживанию запредельного, к ощущению единения с необычным). Лирический герой часто в экстазе переживает непосредственное единение с Аллахом. Для героя главное – общение с ним, что достигается через озарение и откровение. Его практика мистицизма включает сосредоточение на простейших сочетаниях слов, на молитвенных восклицаниях, на отдельных словах и т.п.:

Я прочитывал строки Корана
У себя высоко на вершинах,
Я творил свой намаз неустанно
На кристальных узорчатых льдинах.

На данном этапе становления лирического героя А. Кусикова мистическая интуиция, определенный «духовный опыт» становятся высшими формами познания.

В стихотворении «Восточная молитва» (1914), пронизанном кораническими аллюзиями и реминисценциями, о родословной и духовном кредо лирического героя недвусмысленно было заявлено:

Я родился в горах,
И неведом мне страх,
Я живу на холодных снегах.
Надо мной мой Аллах
Высоко в облаках,
В своих нежных и райских садах...

Он подкрепляет версию о своем черкесском происхождении информацией об исламской воспитании:

Мое детство баюкал суровый уют,
Я в Коране любил райских дев, –
Может быть, оттого до сих пор я пою
Перепевный потока напев...

В стихотворении «Аул Тебердинский» (1914) лирический герой манифестирует свое полное слияние с природой и обычаями Кавказа, ему «родственна хищная стая орлов»:

Я был там крылатым, летал по горам,
Спускался – и снова взлетая,
Спешил на разделы добычи к орлам –
Мне родственна хищная стая.

А. Кусиков периода создания книги «Зеркало Аллаха» – это индивидуалист, эстет, сторонник русского и французского символизма, творчества К. Бальмонта, Ш. Бодлера и А. Рембо, проявляющий интерес к отечественной декадентской и модернистской литературе и сам пробующий писать стихи. Ему предстояло выработать свой собственный стиль и метод, в основу которого были положены иррационализм, игра, театрализация своей внутренней жизни, разработка традиционно-метафизических и «проклятых» вопросов: в чем смысл жизни, что есть истина, человек, его судьба и т.п.

Мировоззренческий «позитив» А. Кусикова, на первый взгляд, предстает вполне выявленным – вера в Бога, преклонение перед традиционными нравственными ценностями горской патриархальной культуры, идея сородственности с миром и осознание себя частью сверхличного целого, позднее возникнет утопическая мечта о синтезе ислама и христианства. Следует, однако, учитывать, что все это замешано на принципе игрового понимания жизни и литературного творчества. Религиозные мотивы и «экзистенциальное» объяснение жизни и человека в этот период получают явный перевес над общественно-политическими подходами. В стихотворении «На базар» (1917) четко проводится мысль, что ислам стал по-настоящему народной религией, образом жизни горцев:

Вознося ладони к небу выше,
Он непонятые строки из Корана
Любит горной нежностью джейрана.
В облаках Аллах его услышит.

В книге поэтизируется черкесская доблесть, свободолюбие, стихийная красота, верность заветам ислама. Примечательно стихотворение «Абрек», в котором тексту предпослан эпиграф – фрагмент стихотворения К. Бальмонта:

... тебе я слагаю свой стих,
Тебя я люблю за бесстыдство
Пиратских набегов твоих.

Следуя за К. Бальмонтом, А. Кусиков восхищается удачью своего героя, который в его изображении плоть от плоти кавказской природы:

Профиль ястреба... Взор его тучи влекли.
Он взлелеян туманами серыми.
Его брови кривым ятаганом легли
Над глазами стальными и смелыми.

Хаджирет недоступный, бесстрашный в горах.
Эй! На битву... Аул... все черкесы.
Его острый клинок не ржавеет в ножнах,
В пистолете затерты нарезы.

Герой стихотворения изображен как традиционный романтический разбойник, не знающий сомнений в правоте своего образа жизни и дела:

И порой из-за облак внезапный, как гром,
За добычею гордо слетает,
На коне, на орле, на джигите своем
Себе равного в мире не знает.

Он живет в соответствии с традиционными народными обычаями Кавказа:

Он на шею врагу с гибкой ловкостью рук
Метким взмахом аркан свой набросит,
На седле в серебре дерзким коршуном вдруг
Без калыма невесту уносит.

Игровое начало книги проявляется и в обращении А. Кусикова к ролевой лирике. В стихотворении «Восточная молитва» субъект речи горец-черкес, самораскрывающийся в молитве-обращении к Аллаху. Первое четверостишие воспроизводит часть молитвы героя на арабском языке, а затем – на русском:

Алля о Акбер.
Алля элля хэль Алля,
Алиен вали Алля,
Муххамеден рассуль Алля.

Мой
Великий Аллах
Высоко в облаках
В своих нежных и райских садах
Ай!

Вера в Бога в душе героя сочетается с постоянной готовностью к насилию, оружие почти часть его тела:

Кривой ятаган,
Моя вера Коран,
Мой любимый – мой конь ураган.
Я
Свой острый кинжал
Крепко к сердцу прижал,
Злой гяур подо мною дрожал.

Гордость, сила, бесстрашие, верность Аллаху, неукоснительное соблюдение религиозных ритуалов – вот кодекс чести этого жителя гор:

Я в бою закален,
Я от смерти спасен,
Я и горд, и могуч, и силен

И
По несколько раз
Я творю свой намаз.
Свой Коран я храню, как свой глаз.

Он – патриот своей родины, не мыслит своей жизни без родных гор и той воли и простора, которые он готов всегда защищать:

Я люблю выси гор,
Я люблю свой простор,
Свой священный молитвы ковер.

В стихах А. Кусикова явно присутствует полемический подтекст, обусловленный тем, что в русской литературе горцы-черкесы нередко изображались с точки зрения государства, стремящегося покорить Кавказ. Поэт же изображает их изнутри, встает на их позицию, максимально учитывая особенности их психологии, традиций, веры.

Во второй части книги А. Кусиков разместил стихи 1917–1918 гг. В них отразился дух времени с его насилием и кровопролитием, но в целом они носили политически нейтральный характер, что позднее, в 1922 г., он подтвердил в своей автобиографии: «Долго чуждался октября. Весь ушел в стихи и в себя. Посиживал в «Кафе поэтов» и в «Чеках», но чувствовал себя гордым наблюдателем интереснейшей эпохи...» [1, с. 43–45]. Он ощущал неблагополучие и трагизм времени. В стихотворении «Страстная суббота» возникает мотив – «над миром Тень». Он пытается совмещать религиозный взгляд на мир с попыткой понять время и судьбу России. Лирический герой стихотворения «Страстная суббота» (1918) предстает в состоянии религиозной медитации, обращаясь то к Аллаху, то к Богоматери:

И в экстазе, в безумном отчаянье
Рыдал и о чем-то молился...
Я за Россию молился,
За русский народ.

В автобиографии он писал, что «впервые, еще смутно и непонятно, как-то мучительно и странно потянуло любовью к России» [1, с. 43–45].

Доминирующими мотивами книги постепенно становятся «антиурбанизм» и одиночество лирического героя, которому как южанину неуютно в северном городе. Город у него ассоциируется со склепом, смертью. В стихотворении «Нине Кирсановой», написанном в Москве, звучит:

В этом городе северном,
Чуждом,
Без друга,
Я один в этом склепе столицы,
И забилось орлиное сердце по югу,
Захотелось под солнцем молиться.

Образ города воссоздается в тонах самых негативных характеристик. В городе душа героя теряет что-то чрезвычайно важное, его настроение «пасмурное»:

Город дерзко поруган,
Заплеваны улицы,
Всюду зданья укутал холодный гранит.
На душе моей пасмурно,
Что-то потеряно,
Я не знаю, вернется иль нет.

В городе даже солнце встает «неуверенно», а «слезливый», «капризный» рассвет – полная противоположность великолепному рассвету в горах. Мотивы одиночества и противопоставления себя городу станут постоянными в лирике А. Кусикова последующих лет:

Мне, слетевшему с выси подоблачной,
С гнезд орлиных с напевами дикими,
Песней в бурке в папахе из облачка –
Душно в городе с ложными ликами.

Лирический герой не теряет надежды сохранить в городе свою душу, вернуться в родные горы:

Я покинул аул, свою саклю
И в оправе серебряной горы...
Нет! Надежды еще не иссякли,
Угольки не угасли во взоре.

К книге «Зеркало Аллаха» примыкает сборник «Жемчужный коврик», в котором, кроме А. Кусикова, поместили свои стихи К. Бальмонт и А. Случановский. В цикле «С минарета сердца» А. Кусиков развивает многие мотивы своих ранних стихотворений, широко обращаясь к различного рода стилизациям и подражаниям восточным поэтам. Поэт поэтизирует людей, несущих в своей душе веру в Аллаха. О старом и мудром пастухе сказано, что «в его душе Аллах». Сам лирический субъект, верующий человек, признается: «Мой Коврик жемчугом, слезами Сердца вышит»:

Я пред Тобой смиренно опущу ресницы,
Чтоб замолить моих страданий раны.
Я буду перелистывать души моей
Страницы –

Священного Корана.

Лирический герой книги характеризуется многими автобиографическими чертами:

Там я родился средь белых видений...
Люблю
Крик орла из расселены скал,
Оттого и Эльбрус, белогорбый верблюдо,
Льдяным сердцем меня приласкал.

В психоаналитическом плане в стихотворении выражены подсознательные чувства и устремления героя. Орел символизирует гордыню, которая живет в душе героя, гора – потребность самореализации, высокие требования к себе, стремление к достижениям. Мотив корней, малой родины в последующем творчестве поэта станет постоянным.

В других стихах цикла («Там, на горах, где по льдинам лунные тени...», «Он плетется по тропинкам гор...», «Ему чужд и непонятен страх...», «Молитва», «Персидский танец», «Восточное») раскрываются все новые и новые оттенки религиозно-мистического настроения лирического героя.

Кроме оригинальных стихов, цикл включал переводы отдельных сур Корана: 81 «Обвитие», 94 «Раскрытие», 95 «Смоковница», 97 «Определение» (Аль-Кадр), 111 «Пальмовые волокна». А. Кусикову удалось убедительно передать пафос и некоторые особенности стилистики священной книги мусульман. Он актуализирует определенные моменты содержания сур, их вневременную адресованность: «Куда ж вы идете, неверные? Какой избираете путь вы?», «Вразуми всех неверных, лукавых / И твори свой Намаз», «В небе всеильный и мудрый, / Правосудный Господь из судящих», «И не будет пользы в том, что он награбил, / Да погибнет он». Примечательен также перевод главы «Гюлистана» Саади, что отражало увлеченность поэта восточной литературой. Это было сразу же замечено современниками. В. Шершеневич писал: «Сандро хорошо знал арабских поэтов. Знал быт, «нравы черкесов» и «восточный акцент» у него естественен [4, с. 22]. То же отмечал и В. Брюсов: «...там, где он касается Востока, ислама, поэт находит верные слова и запоминающиеся образы» [5, с. 26].

Итак, в первый период творчества А. Кусиков носит маски «горца», преданного исламу и восточной культуре, «абрека», «антиурбаниста». Все детали его стихов навеяны традициями русского символизма и ориентализма, хотя, конечно же, многие из них были отражением быта, в котором проходило его становление как человека. Играя роль «горца», знатока восточной культуры и произвольно роль символиста, А. Кусиков тем самым демонстрировал многовариантное проявление своей индивидуальности, так как «игра по определению – деятельность непрогнозируемая, свободная...». Это «был вид его внутренней, духовной, интеллектуальной деятельности», его принцип художественного мышления [3, с. 86].

Список литературы

1. Кусиков А. Автобиография / А. Кусиков / Новая русская книга (Берлин). – 1922. – № 3.
2. Поэты-имажинисты / сост., подгот. текста, биогр. заметки и примеч. Э. М. Шнейдермана. – СПб. : Пб. Писатель – М. : Аграф, 1997.
3. Гашкова Е. М. От серьеа символа к символической серьеозности / Е. М. Гашкова // Метафизические исследования. – СПб., 1997. – Вып. 5. Культура. Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ.
4. Шершеневич В. Кому я жму руку / В. Шершеневич. – М. : Орданс, 1929.
5. Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии / В. Брюсов // Печать и революция. – 1922. – № 7.

**ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ИМПЕРСКОГО КИТАЯ**

**В.А. Любимова
(Россия, Астрахань)**

В статье на материале художественных и дидактических произведений, бытовавших в образовательном дискурсе старого Китая, рассматривается идеальный женский образ китайской культуры. Автор анализирует те качества, которые составляли этот идеал, и которые должны были сформироваться в девочке в процессе ее воспитания и образования.

The article reveals the ideal female image of Chinese culture based on artistic and didactic works that existed in the educational discourse of the old China. The author analyzes the qualities that made up this ideal, and which were formed in a girl during her upbringing and education.

Ключевые слова: конструирование идеального образа, нравственный идеал, культурный контекст, гендерная идентичность, контент-анализ.

Key words: construction of the ideal image, ideal moral, cultural context, gender identity, content analysis.

Рождение детей в целях продолжения рода было первостепенной задачей и смыслом брака в старом Китае. «Брак заключается для того, чтобы человек был в состоянии правильно служить усопшим предкам и иметь возможность продолжать свой род», – говорит философский трактат «Ли-цзы» [1, с. 126]. Рожденные от этого брака сыновья будут кормить своих отцов и дедов в старости, а также их души – после смерти. Многодетность приветствовалась как гарантия того, что несчастный случай или болезнь не прервут прямую нисходящую линию родства. Таким образом, как социально-экономические, так и религиозные мотивы побуждали китайцев заботиться о продолжении рода по мужской нисходящей линии.

Рождение сыновей воспринималось как милость Неба, и напротив – их отсутствие свидетельствовало о совершенных родителями или родом в целом грехах. В новелле «Башня подношения предкам» писатель и драматург XVII в. Ли Юй так описывает завязку сюжета: «...хотя род Шу был весьма многочислен, у предков нашего героя в семи поколениях рождался всего один ребенок. Братьев и сестер у них не было, поэтому линия рода шла от отца к сыну. А все оттого, что среди Пяти нравственных установлений, видимо, одного не хватало» [2, с. 267].

Конфуцианская мораль требовала безусловного отделения мужчин от женщин. Поэтому и девочки должны были с детства быть отделены от братьев и получать принципиально иное воспитание, направленное на культивацию послушания, терпения и чувства долга. В одной из песен «Шицзина» («Книга песен», XI–VIII вв. до н. э.) описывается различие в обрядах, сопровождавших рождение мальчика и девочки:

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят.
...Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!